

Медиевализм в малой прозе Ф.К. Сологуба

Никита Егоров, студент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва), nianegorov@edu.hse.ru

Статья посвящена исследованию рецепции средневековой культуры в малой прозе Федора Сологуба, в частности, в сборнике «Книга очарований». Автор определяет характер сологубовского медиевализма как квази-медиевальный, поскольку прямой контакт писателя с оригинальными текстами Средневековья не установлен, а образность заимствуется через посредников – русских и европейских романтиков, например, А.С. Пушкина. Ключевой целью Сологуба является не историческая реконструкция, а создание «чистой реальности», пространства, где возможно чудо, что сближает медиевальные образы с библейскими и сказочными. В работе подчеркивается, что средневековые мотивы функционируют в общем контексте символистской полемики 1900-х годов о мистическом анархизме и соборном индивидуализме. Особое внимание уделяется методологии Э.Р. Курциуса для анализа топосов и выявления культурных контактов. Автор приходит к выводу, что сологубовский медиевализм лишен социальной проблематики и служит исключительно целям амбивалентной поэтики, подчиняясь воле автора-демиурга. Исследование вписывает творчество Сологуба в общекультурный контекст Серебряного века с его тенденцией к историческим маскарадам и реконструкции прошедших эпох.

Ключевые слова: медиевализм, Серебряный век, Средневековье, рецепция, memory studies, маскарад, травестия, символизм

Для цитирования: Егоров Н.А. Медиевализм в малой прозе Ф.К. Сологуба // Метаморфозис. 2025. Т. 10. № 1. С. 45-64.

Дата поступления: 30.07.2025.

При реализации амбивалентной поэтики Сологуб периодически обращается к рецепции западноевропейской культуры Средневековья и столкновению ее с культурой древнерусской. Медиевализм появляется на протяжении всего творческого пути Сологуба, но он также присутствует в текстах других авторов символистов. В случае Сологуба значимый интерес обозначенной рецепции состоит именно в том, что она используется под влиянием его неопределенной и амбивалентной поэтики, делая рецепцию уникальной. Каковы истоки медиевализма в творчестве Сологуба? Можно ли вообще считать средневековую образность, близкую к библейской и

сказочной, в текстах этого автора медиевализмом, или она приобретает квази-медиевалистский характер?

Такие исследовательские вопросы побуждают рассмотреть обозначенную рецепцию, которая разделяется на древнерусскую и западноевропейскую (куртуазную). В этой работе мы попробуем найти ответ на вопросы, связанные с прагматикой медиевализма в творчестве Сологуба: как и с какой целью Сологуб использует медиевальные образы, которые появляются в его творчестве с самого начала творческого пути? В чем рецепция Сологуба отличается от того, как поэты и писатели его круга работали со схожей медиевальной образностью? Прежде всего,

мы будем опираться на историко-культурную парадигму рецептивного мышления¹ автора и на то, как эта рецепция Средневековья воплотилась в малой прозе Сологуба. Затем мы рассмотрим контекстуальное значение сологубовского медиевализма в символистской полемике 1900-х гг.

Исследование будет состоять, во-первых, из выявления связей малой прозы Сологуба (сборник рассказов «Книга очарований»² и отдельные рассказы, например, «Милый паж» 1906 г.) со средневековой культурой Европы и культурой Древней Руси. Особенное место здесь приобретает XVII в. с его обилием переводных и адаптированных романов Западной Европы³.

Затем в работе будет исследована взаимосвязь сологубовского творчества и романтизма, который зачастую обращался к Средневековью. Отдельного внимания заслуживает квазимедиевалистский характер малой прозы и драматургии Сологуба ввиду влияния Пушкина и его пьесы «Сцены из рыцарских времен» (1835 г.), а также романтической поэмы Ш.Ю. Мильвуа «Эмма и Эгинар, или Мщение Карла Великого» (1825). По большей части, это влияние фигуры Пушкина и поэтов пушкинской поры отражает заимствование рецепции романтиков, как русских, так и европейских (немец-

¹ Здесь мы имеем в виду тот комплекс идей и контекст рубежа XIX–XX вв., которые определяли прагматику отношения и обращения к древнерусской культуре, фольклору и западноевропейскому (преимущественно куртуазному) Средневековью.

² Сологуб Ф.К. Книга очарований: Новеллы и легенды. СПб.: Шиповник, 1909.

³ Так, например, Сологуб мог вполне заимствовать характеры и поведение героев из «Повести о Бове Королевиче», которая, в свою очередь, оказывается переводом и адаптацией французской версии романа «Бэв из Антона» XIII в. Сюжетные функции и характеры героев, действительно, похожи, а место повести в русской литературе полноценно закрепил еще Пушкин.

ких, французских), без обращения к оригинальным текстам Средневековья, но уже с мышлением, основанным на медиевальной рецепции, которую Сологуб черпает из чтения французских, немецких романтиков и самого Пушкина.

Также мы рассмотрим значение медиевализма, его встроенность в полемику о соборном индивидуализме и анархизме между петербургскими и московскими символистами⁴. Именно появление этой полемики и настоящей конфронтации между изданиями двух столиц хронологически совпадает с возросшим интересом Сологуба к Средневековью.

Также отдельное внимание при анализе медиевальной образности и выявлению прагматики медиевализма мы уделим методологии Э.Р. Курциуса (рассмотрение топосов и «общих мест» в историко-культурной парадигме)⁵. «Общие места» помогут проследить заимствование Сологубом медиевальных образов, как из Средневековья, так и из текстов символистов-современников. Это также позволит наметить потенциальные культурные контакты не только между Сологубом и Средними веками, но и с участием русских и французских романтиков в качестве посредников в этом историко-культурном контексте.

Медиевализм – это проявление рецепции конкретного писателя (или общества) и разновидность исторической памяти, то уже существующая методология будет актуальна при рассмотрении творчества Сологуба. Однако трудности изучения сологубовского корпуса текста вынуждают критически отнестись к разработанной методологии. Эти трудности анализа медиевальной образности возникают при попытке изначально ответить на вопрос того, что мы считаем или не считаем медиевализмом. Необходимо понятийно разграничить появление именно медиевализма в творчестве Сологуба и образности, близкой к легендарной, сказочной, библейской. Так, ключевой объект нашего исследования, сборник рассказов «Книга очарований», состоит из текстов с конкретной медиевальной образностью (рассказы «Алчущий и жаждущий», «Очарование печали») и из текстов с образностью библейской и сказочной («Претворившая воду в вино», «Мудрые девы», «Отравленный сад», «Страна, где воцарился зверь»). Отвечая на поставленный вопрос, что является медиевализмом, а что – нет, мы обращаем внимание на факт наличия конкретных средневековых топосов, городов, наименований и титулов в текстах Сологуба. Рассказ «Алчущий и жаждущий», например, обладает точным временем действия – 1148 г., время Второго крестового похода и приближения крестоносцев к Дамаску. В сентиментальной новелле «Очарование печали» аристократическая и социаль-

⁴ Алимов Д.Е., Дилигул Е.С., Колосков Е.А. Мобилизованное Средневековье. Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России.

⁵ Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское средневековье. Т.1. / пер., коммент. Д.С. Колчигина, под ред. Ф.Б. Успенского. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020.

ная иерархии, выраженные в титулах (король и королева, рыцарь и принц, пажи), показанные средневековые ведьмы и менестрели также относят этот текст к произведениям с медиевальной образностью.

Напротив, инвертированный библейский сюжет легенды «Претворившая воду в вино» совсем не относится к медиевальной рецепции, но все еще вписывается в общую поэтику Сологуба, основанную на работе с образом чуда, создании легенды из бытового материала и преобразении действительности. Также в творчестве Сологуба есть прецеденты таких текстов, которые на этом этапе работы затруднительно назвать медиевальными, как, например, первое сологубовское обращение к средневековому миру в «Ботфортах пажа Адельстана»⁶. Несмотря на наличие титулов и иностранных имен, пространство и время в таких текстах несет квази-характер и скорее относится к общей попытке Сологуба реконструировать некую волшебную реальность, которая тяготеет к потерянному идеалу Средневековья. Для символистов этот идеал выражен в образе Прекрасной Дамы и отношениях рыцаря и дамы. Более того, в этой же шутовской песне появляется слово «дворянчик», которое вряд ли могло существовать в XII–XIII вв. Это вновь заставляет задуматься об осознанности помещения того или иного слова Сологубом в средневековую стилизацию. Столкновение разных дискурсов с помощью столкновения различных лексических пластов мы наблюдаем в шутовской пьесе «Ванька ключник и паж Жеан».

Такой разделяющий взгляд на медиевальное и немедиевальное позволит лучше понять прагматику сологубовского медиевализма и тех текстов, которые немедиевальны, но содержат библейскую и сказочную образность, которая функционирует схожим образом, что и медиевальная образность. К медиевальной образности мы отнесем те тексты и образы, в которых появляются соответствующие Средним векам титулы, наименования, феодальные отношения, куртуазная любовь, появление конкретных событий и персон Средневековья, к немедиевальной – те образы и сюжеты, которые близки к фольклору, сказкам, притчам и легендам.

Медиевализм в малой прозе 1907-1910-х гг.

В ходе роста интереса к медиевальным сюжетам в начале XX в. стоит отметить влияние философской полемики и революции 1905 г. В ходе разразившегося между петербуржцами (А. Блок, М. Гофман, С. Городецкий) и москвичами (В. Брюсов, А. Белый, К. Бальмонт, позже присоединившаяся к ним З. Гиппиус) спора о том, насколько целесообразно и обоснованно полагаться на идеи мистического анархизма или соборного индивидуализма⁷

⁶ Сологуб Ф.К. Полное собрание стихотворений и поэм. В 3 т. 1 Т. Стихотворения и поэмы 1877-1892. СПб.: Наука, 2012. С. 594-597.

⁷ Термин «соборный индивидуализм» введен М. Гофманом в одноименной статье.

как на будущее устройство государства и общества, каждый писатель оказался в ситуации выбора к кому примкнуть⁸. Важным пунктом здесь оказывается статья М. Гофмана – «Соборный индивидуализм», в которой автор предлагает соединение идеалов анархизма и соборности. Каждый человек способен реализовать собственную волю только посредством приобщения к коллективному и общественному началу, с помощью соединения своей воли и воли каждого отдельного человека⁹. Позже в 1907 г. Сологуб иронически высказался по поводу идей петербуржцев и такого идейного синтеза М. Гофмана, оставив отсылку в шутовской пьесе «Ванька ключник и паж Жеан»:

Жеан. Иди, иди, не хочю тебя слушать.

Третья веселая девица. А, не хочешь! Ну и оставайся один, косней в своем индивидуализме. А у нас – веселая соборность!¹⁰

Жеан, вступив в отношения с графиней, трижды подвергается попытке нового соблазна: три веселых девицы по очереди зовут его в трактир выпить и рассказать свою тайну. Фольклорный мотив похваления на пиру реализуется и обращается для Жеана потерей любви и своего положения при графе. Доподлинно неизвестно, как Сологуб относился к тем или иным членам полемики об анархизме и прочих идейных течениях, поскольку он продолжал публиковаться, как в московских журналах, так и в петербургских. Появление этого анахронизма в тексте можно расценить как сологубовскую иронию и самостоятельное существование Сологуба без примыкания к тем или иным течениям, сообществам.

Так, медиевальное пространство в творчестве Сологуба не существует имманентно и обособленно. Это пространство вписывается либо в современность автора посредством отсылок к философским идеям или использованием нехарактерной для Средневековья лексики, либо пространство связывается с фольклорной образностью. Отсутствие однородных стилизаций, которые были бы идеальны, хотя бы на уровне лексики без появления жаргонизмов, сниженной лексики, может объясняться тем, что Сологуб не работал со средневековыми текстами, но получал представление о Средневековье благодаря фольклору, медиевальным текстам других авторов (например, повесть романтика Ш. Мильвуа «Эмма и Эгинар, или Мщение Карла Великого», которая хранилась в библиотеке писателя). В отдельных случаях Сологуб самостоятельно разрушает однородность стилизаций, используя

⁸ *Альдъишкин И.В.* Анархо-индивидуализм в среде отечественной интеллигенции второй половины XIX – первой декады XX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2006. С. 9.

⁹ *Гофман М.Л.* Соборный индивидуализм. СПб: Кружок молодых, 1907.

¹⁰ *Сологуб Ф.К.* Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8: Драматические произведения. СПб.: Шиповник, 1911. С. 195.

иронию и анахронизмы, связанные с современной ему эпохой. Учитывая обозначенный контекст, мы можем рассмотреть медиевализм в малой прозе 1907-1910-х гг., который в это время становится фундаментальной частью поэтики Сологуба. В таком случае необходимо упомянуть сборник «Книга очарований» (1907)¹¹, часть которого строится на обращении к Средневековью и средневековым, библейским образам.

Сборник «Книга очарований» с библейской и сказочной образностью

В открывающем сборник рассказе «Претворившая воду в вино» главный герой, «пророк, учитель» якобы демонстрирует чудо претворения воды в вино, что является отсылкой к библейскому сюжету «Брак в Кане Галилейской» и к остальным чудесам Иисуса Христа. Однако это чудо оказывается лишь плодом воображения тех, кто этого чуда жаждет, в то время как остальные и так называемые «мудрые» остаются неспособными к преобразению воды в вино. Одна из подруг невесты пьет воду, ее сердце и ее вера превращают воду в вино, после чего она радуется и танцует: «Пьяная водою, как вином, крепким и сладким, она плакала от восторга, и восклицала, хваля учителя и пророка, и плясала, кружась и ударяя в ладони»¹². При этом сама невеста этого чуда не видит и остается несчастной. Этот рассказ раскрывает поэтику Сологуба, которая окончательно оформилась к 1907-1908 гг. Позже в романе «Творимая легенда» Сологуб напишет о «необходимости и одновременной невозможности чуда» в мире¹³. Автор утверждает значимость чуда, однако скептицизм и жизненный опыт не позволяют Сологубу полностью поверить в это чудо, что заставляет его обращаться к эпохам и временам, когда это чудо было более возможным. Также в легенде «Претворившая воду в вино» прослеживается разделение на способных и неспособных к чуду, которое заключается не в сущности пророка, учителя или Христа, а в собственном воображении, в сердце и лирическом восприятии действительности. Так, по сути, в этом тексте нет как такового медиевализма, но видится работа с библейской и легендарной образностью, что, в общем, ставит эту легенду в один ряд с другими сологубовскими рассказами, в которых медиевализм присутствует, поскольку для Сологуба медиевализм и библейская, сказочная образность служат общей поэтической цели создания пространства, в котором чудо осуществимо.

В рассказе «Алчущий и жаждущий», название которого отсылает нас к Нагорной проповеди Христа (Мф. 5:6), представлен отряд крестоносцев на пути к Дамаску (исторический контекст связан с провалившейся осадой

¹¹ Сологуб Ф.К. Книга очарований: Новеллы и легенды. СПб.: Шиповник, 1909.

¹² Там же. С.9.

¹³ Сологуб Ф.К. Творимая легенда. М.: Современник, 1991.

Дамаска в 1148 г. в ходе Второго крестового похода). Воины сетуют на своего предводителя Ромуальда из Турени, поскольку он завел их в пустыню, где у отряда закончились припасы и вода. Ударом своего посоха Ромуальд превращает песок в пшено, а из камня изводит источник холодной воды. При этом чудо приобретает характер спасительного обмана и заблуждения: «Толпясь и толкаясь, приникли к скале, сухой и серой, – и опять обманули их томления жажды, и казалось им, что пьют они воду»¹⁴. Несмотря на свой дар и обманувшихся крестоносцев Ромуальд остается в пустыне с тремя тысячами и тремястами воинами, которые погибают от голода, жажды и атаки сарацинов. Нельзя сказать, что Ромуальд изменяет собственному дару демиурга, того, кто чудо-обманом преобразил реальность. Скорее он изначально не верит в лирическое преобразование реальности, он попросту не обладает верой в чудо и спасение. При этом его дар перенимает новый предводитель, новый «пророк и учитель» – Бертран. С ним оставшийся отряд «обманувших томления жажды и голода желанием чуда» доходит до Дамаска, завершает свой путь и соединяется с другими крестоносцами. Все художественное пространство подчинено определенному направлению и движению – пути к Дамаску. Похожее восприятие пространства характерно средневековым французским романам, например, романам Кретьена де Труа. В том же куртуазном романе «Рыцарь со львом, или Ивейн» пространство определяется стремлением главного героя к подвигам, покорению новых пространств, сражениям¹⁵. Стоит отметить, что пространство французского рыцарского романа анализирует в своей работе «Французский рыцарский роман» А.Д. Михайлов, в частности, он выводит понятия линейного и точечного пространств. Касательно сологубовского рассказа «Алчущий и жаждущий» применителен термин именно линейного пространства, поскольку оно подчиняется желаниям и характерам героев¹⁶. Путь героя оказывается непрерывным, а совершаемые подвиги, чудеса только продолжают развивать динамику пути и смену пространств. Любая остановка невозможна, поскольку она противоречит цели и направлению главного героя, поскольку остановка означает в средневековом романе схождение с верного пути и моральный крах¹⁷. Также имя Бертран вполне может отсылать к окситанскому трубадуру Бертрану де Борну, который был известен поэтам Серебряного века. Например, главный герой драмы «Роза и крест» (1912) Блока – трубадур Бертран, который реализует себя и утверждает свою любовь к Изоре с помощью самоотречения, службы графу и исполнением своего долга. Позже в 1913 г. Блок напишет небольшой прозаический текст – «За-

¹⁴ Сологуб Ф.К. Книга очарований: Новеллы и легенды. СПб.: Шиповник, 1909. С. 22.

¹⁵ Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман. М.: Наука, 1976. С. 174-176.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

писки Бертрана, написанные им за несколько часов до смерти», в котором главный герой Бертран рассказывает о своей жизни и о том, как он служил своему графу и его жене Изоре. Как и Бертран де Борн, сологубовский Бертран оказывается воином-предводителем, который провел большую часть жизни в военных походах, что вполне могло бы повлиять на создание уже одноименного блоковского персонажа в пьесе «Роза и крест».

Уже в начале XIX в. писатели были знакомы с поэзией трубадуров и читали их тексты преимущественно на французском языке. Значимость поэзии трубадуров отмечал еще А.С. Пушкин в статье «О поэзии классической и романтической»: «Трубадуры обратились к новым источникам вдохновения, воспели любовь и войну, оживили народные предания, – родился ле, романс и фаблио»¹⁸. Это позволяет утверждать знакомство декадентов и символистов с поэзией трубадуров и говорить о влиянии трубадуров, куртуазной литературы на творчество Сологуба.

Возвращаясь к концепции преобразования реальности, хотим отметить, что категории обмана и чуда становятся взаимозаменяемыми для Сологуба, поскольку они отражают лирическое и жизненно-необходимое преобразование жизни, которое может либо устроить настоящий праздник с пляской и вином, либо спасти от смерти. Такое взаимообращение категорий обмана и чуда мы видим именно в рассказе «Алчущий и жаждущий».

С одной стороны, в такой парадигме поэт представлен тем, кто свершает чудо (равное обману) и открывает новую, чистейшую реальность для восприятия. С другой стороны, мы обнаруживаем, что ключевое значение в этом преобразении играет уже не столько роль поэта или певца, сколько само восприятие читателя, зрителя, постороннего человека или второстепенного героя. Именно поэтому Ромуальд из Турени не понимает, почему его воины едят песок и льнут к камню. Для них ввиду самообмана песок и камень оказываются водой и пшеном, так само преобразование происходит без участия поэта, в этом случае – благочестивого воина Ромуальда.

Сологуб волен также вторгаться в эти воссозданные и полные чудес пространства, помещать в них анахронизмы, как мы видели на примере шутовской пьесы «Ванька ключник и паж Жеан». Здесь уместно сказать о квази-медиевалистском характере малой прозы «Книги очарований», обратить внимание на факт авторской воли, которая определяет степень изолированности художественного пространства («Мудрые девы», «Алчущий и жаждущий») или, наоборот, прямую включенность в наш мир (остальные рассказы, например, «Опечаленная невеста» или «Белая мама»).

Если до 1907 г. мы видим постепенное формирование поэтики Сологуба, основанное на довольно редком появлении медиевализма, прямом столкновении мещанской среды и либо фигуры автора, либо главного ге-

¹⁸ Пушкин А.С. О поэзии классической и романтической. Собр. соч. в 10 т. 6 Т. Статьи и заметки 1824-1836 гг. М.: ГИХЛ, 1959-1962 гг. С. 263-266.

роя, то в конце 1900-х гг. Сологуб приходит к идее о формировании чистейшей реальности в сознании поэта или обычного человека, которая выступила бы заменой земной действительности. Способность или неспособность к чуду зачастую определяются врожденными способностями героев или их волей. Если в рассказах «Мудрые девы», «Алчущий и жаждущий» и легенде «Претворившая воду в вино» лирическое преображение определяется личной волей, то в сентиментальной новелле «Очарование печали» главные героини, Мариана и Ариана, разделены без участия личной воли: Мариана, мачеха Арианы, изначально красива, но зла, и не способна стать очаровательнее, чем ее падчерица.

Антитеза героинь задается на уровне описательной характеристики: если Мариана прекрасна, то Ариана обладает еще и «очарованием печали», которое навевает ей ветер с высокой башни¹⁹. Оппозиция задается на уровне вертикали: Ариана большую часть времени проводит в башне и созерцает оттуда открывающийся простор, в то время как Мариана находится на земле и негодует, что она не самая красивая. Как только Мариана путем обмана и отравлением Арианы получает ее «очарование печали», то она сталкивается с невыносимой болью, вследствие чего умирает. В этой новелле Сологуба почти вовсе отсутствуют эротические и как таковые любовные мотивы. Ариана невинна и совершенна, ее красоту прославляют поэты, а рыцари приезжают, чтобы удостоиться ее внимания. Именно «очарование печали» делает Ариану погруженной в собственный мир, делает ее способной к страданию, но в то же время отрешенной от всего низменного и бытового.

Нельзя не отметить генетическое сходство новеллы «Очарование печали» со сказками о царевне Несмеяне, которую пытается рассмешить множество разных персонажей. Если Ивану удастся рассмешить Несмеяну и жениться на ней, то в «Очаровании печали» Ариана остается навсегда печальной и несет «очарование печали» в мир, при этом принц Альберт получает ее снисхождение и женится на ней. Таким образом, Сологуб обращается к сюжету русской народной сказки, инвертирует основные образы, переносит художественное действие в западноевропейскую реальность Средневековья.

Средневековье Сологуба в контексте творчества Пушкина

Чтобы лучше понять прагматику сологубовского медиевализма, стоит рассмотреть его в творчество с точки зрения влияния А.С. Пушкина. В статье «Западноевропейское Средневековье в сказках Пушкина» Сванидзе отмечает следующее: «особый интерес к прошлому своей страны явился, как это ни парадоксально на первый взгляд, одним из побудительных мотивов освоения поэтом сюжетов западного Средневековья и, несомненно, в вы-

¹⁹ Сологуб Ф.К. Книга очарований: Новеллы и легенды. СПб.: Шиповник, 1909. С. 47.

боре форм этого освоения»²⁰. Автор рассматривает медиевализм в сказках Пушкина, что позволяет провести параллели со сказками Сологуба и сказочной образностью в его текстах, которая часто сочетается с образностью медиевальной. К очевидному влиянию Пушкина на Сологуба добавляется довольно неоднозначное отношение второго к первому. В статье юбилейного 1899 г. «К всероссийскому торжеству» Сологуб высоко оценивает талант Пушкина, вписывает современную ему литературу в продолжение пушкинских традиций. Однако в 1907 г., выходит статья «Демоны поэтов». Сологуб последовательно критикует поэтический дар Пушкина, обличая гения в самозванстве, отказе от «лирического забвения» и «дульцинирования»²¹. Так Сологуб показывает различные эпизоды с элементами переодеваний и травестийности в творчестве Пушкина, отмечая устремленность поэта к здешнему миру, а не к созданию вечного и идеального мира, который превалировал бы над всем бытовым и земным. Согласно Сологубу настоящий поэт «дульцинирует» реальность, говорит вечное «нет» всему окружающему и материальному, принимает полностью свое «Я», чего не делал Пушкин, по мнению автора, и затем творит настоящее чудо, воздвигая его над всем миром²².

У Пушкина есть пьеса «Сцены из рыцарских времен» (1835), которую разные филологи относят то к сказкам Пушкина, то к текстам, ориентированным на исторический контекст («Борис Годунов», «Капитанская дочка»)²³. В основе пушкинского текста лежит сюжет «Жакерии» П. Мериме, в котором рассказывается о крестьянском антифеодальном восстании 1358 г. во Франции. Пушкин во многом ориентируется на французский подлинник начала XIX в., при этом почти не обращаясь к самим средневековым романам и свидетельствам об этом восстании²⁴. Квази-медиевалистский характер «Сцен из рыцарских времен» существенно повлиял на работу Сологуба с медиевализмом. Уточним, что квази-медиевалистский характер назван таковым, поскольку контакт автора со Средневековьем происходит не напрямую, а с помощью текстов-посредников или авторов-посредников,

²⁰ Сванидзе А.А. Западноевропейское средневековье в сказках А.С. Пушкина. М.: Средние века, 2002. С. 111-112.

²¹ Сологуб Ф.К. Демоны поэтов // Сологуб Ф.К. Творимая легенда: Статьи. М., 1914. С. 145-160.

²² «Лирическое забвение данного мира, отрицание его скудных и скучных двух берегов, вечно текущей обыденности, и вечно возвращающейся ежедневности, вечное стремление к тому, чего нет. Мечтою строятся дивные чертоги несбыточного, и для предварения того, чего нет, сожигается огнём сладкого песнетворчества всё, что есть, что явлено. Всему, чем радуется жизнь, сказано нет» (Сологуб Ф.К. Демоны поэтов // Сологуб Ф.К. Творимая легенда: Статьи. М., 1914.)

²³ Рассадин С. Последняя сказка (О «Сценах из рыцарских времен» Пушкина) // Вопросы литературы. М.: 1974. С. 213-236.

²⁴ Там же.

которыми стали французские романтики и символисты для русской литературы.

Как правило, такая «рецепция рецепции» Средневековья выражается, например, в пушкинском тексте, когда мы не можем доподлинно определить место действия, поскольку в тексте отсутствуют конкретные топонимы (равно как и в большинстве сологубовских текстов), а имена героев разделяются на французские (Альбер, Клотильда, Ремон, Рауль) и немецкие (Карл, Франц, Бертольд). Разделение имен вновь затрудняет определение места действия. Так же и в сологубовском корпусе текстов будут появляться то герои-немцы (Эдвиг, Теобальд), то герои-французы (Адельстан, Ромуальд, Бертран). Так, мы видим схожий подход к работе с средневековой образностью. Стоит отметить, что медиевализм ни у Пушкина, ни у Сологуба не представлен в чистом виде, когда установлен прямой контакт с тем или иным текстом Средневековья. Так, в статье Сванидзе, говоря о Средних веках, по большей части показывает, как Пушкин заимствует средневековую образность из текстов романтиков, просветителей XVIII–XIX вв. и фольклора, в котором он обнаруживает множество общих мотивов для европейской культуры²⁵. На этом этапе работы пока затруднительно отметить нечто новое среди заимствований из западноевропейского Средневековья, как у Пушкина, так и у Сологуба, несмотря уже на разработанность сюжетов «отечественных» Средних веков.

Тем не менее, вполне вероятно, что Сологуб решил заимствовать пушкинский подход к работе с медиевализмом, поскольку в сологубовском творчестве, помимо условного места действия во многих средневековых текстах, мы также находим любовь героя к даме, социальное положение которого ниже положения возлюбленной. Такая любовь, противоречащая сословному делению, встречается у Пушкина еще до написания обозначенной пьесы, например, в сказках («Сказка о рыбаке и рыбке»). В «Сценах из рыцарских времен» пушкинский поэт Франц, устроившийся конюшенным к Альберу, полюбил Клотильду, его сестру, но был изгнан тут же Альбером, что напоминает сологубовский адюльтер, который наш автор также позаимствовал и развил в «Ваньке ключнике и паже Жеане». Клотильда просит помилования у рыцарей для Франца, она не питает к нему любви, однако проникается к нему вниманием и чувством сострадания, так же и в пьесе «Ванька ключник и паж Жеан» княгиня и графиня повлияли на спасение своих молодых любовников.

Клотильда. Нельзя ли помиловать этого бедного человека?.. он уже довольно наказан и раной и страхом виселицы.

<...>

²⁵ Сванидзе А.А. Западноевропейское средневековье в сказках А.С. Пушкина. М.: Средние века, 2002. С. 109-134.

Рыцарь. Ну, Ротенфельд... что дама требует, в том рыцарь не может отказать. Надобно его помиловать.

Рыцари. Надобно его помиловать²⁶

В итоге вместо виселицы Франца на вечность заключают в тюрьму, однако в конце пьесы это трактуется как спасение. Обычный конюшенный-бунтовщик, благодаря положению дамы, спасает собственную жизнь.

Приведем схожие эпизоды из сологубовской пьесы:

Княгиня. Палачи смирносердились, тебя, Ванька, отпустили. Бери кошель с золотом, иди скоро домой. А вы, злы палачи, берите казны, сколько надобно»²⁷

<...>

«Графиня. Помедлите немного, я пойду к моему милому супругу и вымолю у него жизнь этого юного безумца. Казнить вы его всегда успеете, если граф его не помилует, – а для холодного трупа на черной виселице тщетною будет запоздалая милость»²⁸

Действительно, сюжетное сходство на уровне адюльтера и развязок пьес очевидно, но при этом важно отметить, что сологубовская работа с медиевальной образностью также отличается от пушкинской работы. Пушкинский текст ориентирован на реальное крестьянское восстание, описанное в пьесе «Жакерия» П. Мериме, в то время как сологубовский медиевализм совсем мало имеет общего с исторической реальностью и подходами романтиков к истолкованию истории, как это делают Пушкин и Вальтер Скотт. В свой медиевализм Пушкин закладывает конфликт власти и народа и личные сложные взаимоотношения с цензурой и Николаем I²⁹, осмысление эпохи начала XIX в. происходит с помощью фольклорных сюжетов и образов. При этом в сологубовском медиевализме гораздо меньше политических параллелей и социальной проблематики, чем у Пушкина. Об этом также позволяют судить и сологубовские статьи, в которых автор рассуждает о роли поэта и искусства, определяя их место и функции в мировом и общекультурном контексте вне зависимости от эпохи и места действия³⁰. Такой подход вновь говорит о «маскараде»³¹ эпох, в котором Средние века – лишь составляющая часть.

²⁶ Пушкин А.С. Сцены из рыцарских времён // Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 338-340.

²⁷ Сологуб Ф.К. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8: Драматические произведения. СПб.: Шиповник, 1911. С. 195.

²⁸ Там же.

²⁹ Сванидзе А.А. Западноевропейское средневековье в сказках А.С. Пушкина. М.: Средние века, 2002. С. 109-134.

³⁰ Как видим, довольно большое множество сологубовских статей посвящено его концепции искусства, поэта, поэзии и красоты. Медиевализм занимает важное место в творчестве автора, но является составной частью общего маскарада эпох, сложившегося в 1900-ые гг.

³¹ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.26

Также, например, условное место действия, как в «Сценах из рыцарских времен» и пушкинских сказках, наблюдается все-таки не во всех текстах Сологуба, хотя и становится почти повсеместным (единственное исключение: «Алчущий и жаждущий», место действия которого – второй крестовый поход, осада Дамаска 1148 г.). Если изучить остальные пространства, в которых разворачивается художественное действие, то мы обнаружим следующие формулировки. Действие рассказа «Милый паж» происходит в «некой благословенной и цветущей стране»³², рассказа «Царица поцелуев» (1907) – в «одном славном и дивном городе»³³, сентиментальной новеллы «Очарование печали» – в загадочной и дивной стране. Такое абстрактное и неопределенное пространство роднит сологубовские тексты со сказками и легендами, однако, как мы обозначили, в некоторых текстах конкретное место действия намеренно создается автором.

Так, Пушкин существенно влияет на Сологуба и его подход к медиевализму. Однако это влияние все-таки сводится к открытию для Сологуба мира сказочного европейского Средневековья, в котором он продолжает существовать самостоятельно, работая только с теми сюжетами, которые ему интересны. В этом и заключается новаторство сологубовского медиевализма, поскольку он предлагает полноценный взгляд на реальность либо как на почву для преобразования, либо как то, от чего стоит своевременно отказаться в угоду чистейшей реальности. Сологуб исключает при этом элементы дидактики, политическую и социальную проблематики. Каждое пространство замкнуто внутри себя, независимо и гармонично, и лишь по зову автора оно получает анахронизмы, которые выстраивают смысловые переключки с Серебряным веком и текстами других авторов-символистов.

Заключение

Прежде всего, мы определяем характер сологубовского медиевализма как квази-медиевальный. Отсутствуют свидетельства о работе Сологуба с текстами Средневековья, однако читать средневековые тексты Сологуб вполне мог, основываясь на французских изданиях XIX в. Исследование средневековых сюжетов и мотивов происходит для Сологуба благодаря влиянию Пушкина и Мережковского, если обращаться к разработке сюжетов отечественного Средневековья, и благодаря французской литературе символизма и романтизма.

Если говорить о функциональности сологубовского медиевализма, то здесь ключевое место имеет видение автора фигуры поэта, музы и самого

³² Сологуб Ф.К. Милый Паж. Собр. соч.: В 20 т. Т. 4. Книга превращений. Рассказы. СПб.: Сирин, 1913.

³³ Сологуб Ф.К. Царица поцелуев // Сологуб Ф.К. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. СПб.: Навьи чары, 2002. С. 48.

искусства, о чем неоднократно говорится в нашей работе. Сказочные и волшебные сюжеты Средневековья становятся почвой для реализации сологубовской поэтики. При этом может возникнуть смысловое противоречие между обращением к Средневековью и образом Дон Кихота, роман о котором представляет собой полное «выворачивание» Средних веков в Европе и представлений о рыцарях и рыцарстве. Такие противоречия не поднимаются в творчестве Сологуба и его публицистических статьях, поскольку и Средневековье, и фигура Дон Кихота подчиняются его поэтике и транслируемому чуду в его различных образах. «Книга очарований» становится фундаментальным элементом в поэтике Сологуба, поскольку самые разные однородные и неоднородные пространства, различные исторические эпохи и различные культуры сводятся к единому знаменателю – сложившемуся миропониманию Сологуба и, в общем, к эпохе модерна. Так, тот самый «маскарад» эпох подчиняется единой воле одного автора-демиурга.

Похожие интенции реализовывались в театральном обществе «Старинный театр» под руководством режиссера Н.Н. Евреинова. Общество просуществовало с 1907 г. по 1912 г. в рамках двух театральных сезонов. В рамках первого сезона были поставлены литургическая драма, миракль, моралите, пастурель и фарс, – жанры западноевропейского театра Средневековья и Ренессанса. Второй сезон был ознаменован постановкой жанров испанского театра эпохи возрождения, а третий сезон с постановкой итальянской комедии масок так и не состоялся из-за начавшейся Первой мировой войны и последовавшими революциями. Такой большой театральный проект вновь отражает представление о Серебряном веке как о времени, когда наступил момент рассмотреть каждую эпоху человеческой культуры и истории, увидеть нечто общее и универсальное³⁴.

Мы постарались целостно разобрать малую прозу Сологуба через призму рецепции фольклорных и средневековых сюжетов, параллельно проводя разделение на настоящую медиевальную образность и немедиевальное мотивы и элементы. В дальнейшей перспективе предстоит глубже изучить область возможных контактов не только Сологуба, но и других модернистов с западноевропейским Средневековьем. Стоит отдать должное, что работы Сванидзе, историка и медиевиста, уже проложили путь исследования Пушкина с медиевальной точки зрения, однако до сих пор не было проведено четкого разделения на категории литературы и фольклора, средневековые и ренессансные образы. Также не было установлено фактов контакта и работы с теми или иными текстами, конкретными средневековыми романами, за исключением творчества Блока. Такие неустановленные контакты и связи представляют собой лакуны для будущих исследований, которые позволят создать новое представление о Серебряном веке, «прочсть» эту

эпоху с точки зрения рецепции Средних веков, таким образом открывая новые черты эпохи модерна.

Литература

Аладышкин И.В. Анархо-индивидуализм в среде отечественной интеллигенции второй половины XIX – первой декады XX в. (на материалах городов Москва и Санкт-Петербург). Дис. ... кан. ист. наук. Иваново, 2006.

Алимов Д.Е., Дилигул Е.С., Колосков Е.А. Мобилизованное Средневековье. Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России. В 2 т. Т. 2. Под ред. Д.Е. Алимова и А.И. Филюшкина. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2021.

Ассманн Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М., 2004. С. 50-59.

Багно В.Е. Русская поэзия Серебряного века и романский мир. СПб.: Гиперион, 2005.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.

Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994.

Бобрицких Л.Я., Горева Д.В. Миф о Дон Кихоте в творчестве символистов. Воронеж: Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 3.

Гаспаров М.Л. Русская поэзия «Серебряного века» // Поэтика «Серебряного века». М.: Наука, 1993.

Гизетти А.А. Современная литература. Сборник статей. Л.: Мысль, 1925. С. 82-92.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.

Замятин Е.И. Современная литература. Сборник статей. Л.: Мысль, 1925. С. 76-81.

Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское средневековье. Т. 1. / пер., коммент. Д.С. Колчигина, под ред. Ф.Б. Успенского. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020.

Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011.

Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман. М.: Наука, 1976. С. 174-176.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память, под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 17-50.

Пушкин А.С. О поэзии классической и романтической. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. Статьи и заметки 1824-1836 гг. М.: ГИХЛ, 1959-1962 гг. С. 263-266.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.

Рассадин С. Последняя сказка (О «Сценах из рыцарских времен» Пушкина) // Вопросы литературы. М.: 1974. С. 213-236.

Савельева М.С. Федор Сологуб. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2014.

Сазонова Л.И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени / Учреждение Рос. акад. наук. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2012.

Сванидзе А.А. Западноевропейское средневековье в сказках А.С. Пушкина. М.: Средние века, 2002. С. 109-134.

Семкин А.Д. Театральная теория Н.Н. Евреинова. Дис. ... канд. искусствоведения. СПб, 2000.

Севастьянова В.С. Архетипика романтического двоемирия в поэтике русского символизма. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2004.

Сологуб Ф.К. Демоны поэтов // Сологуб Ф. К. Творимая легенда: Статьи. М., 1914. С. 145-160.

Соболевский А.И. Великорусские народные песни. СПб.: Государственная типография, 1895-1902.

Сологуб Ф.К. Книга очарований: Новеллы и легенды. СПб.: Шиповник, 1909.

Сологуб Ф.К. Полное собрание стихотворений и поэм. В 3 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1877-1892. СПб.: Наука, 2012.

Сологуб Ф.К. Полное собрание стихотворений и поэм. В 3 т. Т. 2. Стихотворения и поэмы 1893-1913. СПб.: Наука, 2014.

Сологуб Ф.К. Полное собрание стихотворений и поэм. В 3 т. Т. 3. Стихотворения и поэмы 1914-1927. СПб.: Наука, 2020.

Сологуб Ф.К. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8: Драматические произведения. СПб.: Шиповник, 1911. С. 157-221.

Сологуб Ф.К. Собр. соч. СПб, 1913.

Шевченко Е.С. Эстетика балагана в русской драматургии 1900-х – 1930-х годов. Дис. ... док. филол. наук. Самара, 2010.

Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой. М., 2007.

Хальвбакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

Чжиен А. Проблема «балагана» в русской драматургии начала XX в. Дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2002.

Чулков Г.И. Годы странствий. Федор Сологуб. М.: Эллис Лак, 1999.

References

Aladyshkin I.V. *Anarkho-individualizm v srede otechestvennoy intelligentsii vtoroy poloviny XIX – pervoy dekady XX v. (na materialakh gorodov Moskva i Sankt-Peterburg)* [Anarkho-individualism among the Russian intelligentsia of the second half of the 19th – first decade of the 20th century. (based on materials from the cities of Moscow and St. Petersburg)]: PhD thesis. Ivanovo, 2006 (in Russian).

Alimov D.E., Diligul E.S., Koloskov E.A. *Mobilizovannoye Srednevekovye. Srednevekovaya istoriya na sluzhbe natsional'noy i gosudarstvennoy ideologii v Rossii. V 2 t. T. 2* [The mobilized Middle Ages. Medieval history in the service of national and State ideology in Russia. In 2 vol. V. 2], ed. by D.E. Alimova, A.I. Filushkina. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg's University Publ., 2021 (in Russian).

Assmann Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pismo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, Memory of the Past, and political identity in the High Cultures of antiquity]. Moscow, 2004. P. 50-59 (in Russian).

Bagno V.E. *Russkaya poeziya Serebryanogo veka i romanskiy mir* [Russian Poetry of the Silver Age and the Romance World]. Saint-Petersburg: Giperion Publ., 2005 (in Russian).

Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransoaz Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965 (in Russian).

Belyy A. *Simvolizm kak miropoyimanie* [Symbolism as a worldview]. Moscow: Respublika Publ., 1994 (in Russian).

Bobritskikh L.Ya., Goreva D.V. *Mif o Don Kikhote v tvorchestve simvolistov* [The myth of Don Quixote in the works of Symbolists]. *Vestnik VGU. Series: Philology. Journalism.* 2015. N. 3 (in Russian).

Chulkov G.I. *Gody stranstviy. Fedor Sologub* [Years of wandering. Fyodor Sologub]. Moscow: Ellis Lak Publ., 1999 (in Russian).

Chzhien A. *Problema "balagana" v russkoy dramaturgii nachala XX v.* [The problem of the "farce" in Russian drama of the early twentieth century]: PhD thesis. Saint-Petersburg, 2002 (in Russian).

Gaspakov M.L. *Russkaya poeziya "Serebryanogo veka"* [Russian poetry of the "Silver Age"], in *Poetika "Serebryanogo veka"* [Poetics of the "Silver Age"]. Moscow: Nauka Publ., 1993 (in Russian).

Gizetti A.A. *Sovremennaya literatura. Sbornik statey* [Modern literature. Collection of articles]. Leningrad: Mysl' Publ., 1925. P. 82-92 (in Russian).

Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1984 (in Russian).

Khalvbaks M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [The social framework of memory] / trans. by S.N. Zenkina. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2007 (in Russian).

Kurtsius E.R. *Evropeyskaya literatura i latinskoe srednevekov'ye. T. 1* [European literature and the Latin Middle Ages. V. 1], trans. by D.S. Kolchigina, ed. by F.B. Uspenskiy. Moscow: Izdatel'skiy Dom YASK Publ., 2020 (in Russian).

Leont'eva O.B. *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiyskoy kul'ture XIX – nachala XX v.* [Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th – early 20th centuries]. Samara: LLC "Kniga" Publ., 2011 (in Russian).

Mikhaylov A.D. *Frantsuzskiy rytsarskiy roman* [A French chivalrous novel]. Moscow: Nauka Publ., 1976 (in Russian).

Nora P. Problematika mest pamyati [The problem of places of memory], in *Frantsiya-pamyat'* [France-memory], ed. by P. Nora, M. Ozyuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok. Saint-Petersburg, 1999. P. 17-50 (in Russian).

Propp V.Ya. *Morfologiya volshebnoi skazki* [Morphology of the Folktale]. Moscow: Labirint Publ., 1998 (in Russian).

Pushkin A.S. *O poezii klassicheskoy i romanticheskoy. Sobr. soch. v 10 t. T. 6. Stat'i i zametki 1824-1836 gg.* [About classical and romantic poetry. Collection of works. In 10 vol. V. 6]. Moscow: GIKHL Publ. P. 263-266 (in Russian).

Rassadin S. Poslednyaya skazka (O "Stsenakh iz rytsarskikh vremyon" Pushkina) [The Last Fairy Tale (About Pushkin's "Scenes from the Chivalric Times")]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. Moscow: 1974. P. 213-236 (in Russian).

Savel'eva M.S. *Fedor Sologub. Zhizn' zamechatel'nykh lyudey* [Fyodor Sologub. The lives of wonderful people]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2014 (in Russian).

Sazonova L.I. *Pamyat' kul'tury. Nasledie Srednevekov'ya i barokko v russkoy literature Novogo vremeni* [Cultural memory. The Legacy of the Middle Ages and Baroque in Modern Russian Literature]. Moscow: "Rukopisi pamyatniki Drevney Rusi" Publ., 2012 (in Russian).

Semkin A.D. *Teatral'naya teoriya N.N. Evreinova* [Theatrical theory by N.N. Evreinov]: PhD. thesis. Saint-Petersburg, 2000 (in Russian).

Sevast'yanova V.S. *Arkhetipika romanticheskogo dvoemiriya v poetike russkogo simvolizma* [The Archetypal Romantic Dualism in the Poetics of Russian Symbolism]: PhD thesis. Magnitogorsk, 2004 (in Russian).

Shenk F.B. *Aleksandr Nevskiy v russkoy kul'turnoy pamyati: Svyatoy, pravitel', natsional'nyy geroi* [Alexander Nevsky in Russian Cultural Memory: Saint, Ruler, National Hero]. Moscow, 2007 (in Russian).

Shevchenko Ye.S. *Estetika balagana v russkoy dramaturgii 1900-kh – 1930-kh godov* [The aesthetics of the Farce in Russian drama of the 1900s – 1930s]: PhD thesis. Samara, 2010 (in Russian).

Sobolevskiy A.I. *Velikorussskiye narodnyye pesni* [Great Russian folk songs]. Saint-Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya Publ. (in Russian).

Sologub F.K. *Demony poetov* [Demons of poets], in Sologub F.K. *Tvorimaya legenda: Stat'i* [Created legend: Articles]. Moscow, 1914. P. 145-160 (in Russian).

Sologub F.K. *Kniga ocharovaniy: Novelly i legendy* [The Book of Enchantments: Novels and Legends]. Saint-Petersburg: Shipovnik Publ., 1909 (in Russian).

Sologub F.K. *Polnoye sobranie stikhotvoreniy i poem. V 3 t. T. 1. Stikhotvoreniya i poetry 1877-1892* [The complete collection of poems. In 3 vols. Vol. 1. Poems 1877-1892]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2012 (in Russian).

Sologub F.K. *Polnoye sobranie stikhotvoreniy i poem. V 3 t. T. 2. Stikhotvoreniya i poetry 1893-1913* [The complete collection of poems. In 3 vols. Vol. 2. Poems 1893-1913]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2014 (in Russian).

Sologub F.K. *Polnoye sobranie stikhotvoreniy i poem. V 3 t. T. 3. Stikhotvoreniya i poetry 1914-1927* [The complete collection of poems. In 3 vols. Vol. 3. Poems 1914-1927]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2020 (in Russian).

Sologub F.K. *Sobranie sochineniy: V 12 t. T. 8: Dramaticheskiye proizvedeniya* [Collection of works. In 12 vol. V. 8. Dramatic works]. Saint-Petersburg: Shipovnik Publ., 1911. P. 157-221 (in Russian).

Sologub F.K. *Sobr. soch* [Collection of works]. Saint-Petersburg, 1913. (in Russian).

Svanidze A.A. *Zapadnoevropeyskoye srednevekov'ye v skazkakh A.S. Pushkina* [The Western European Middle Ages in the tales of A.S. Pushkin]. Moscow: Sredniye veka, 2002. P. 109-134. (in Russian).

Zamyatin Ye.I. *Sovremennaya literatura. Sbornik statey* [Modern literature. Collection of articles]. Leningrad: Mysl' Publ., 1925. P. 76-81 (in Russian).

Medievalism in the Short Prose of F.K. Sologub

Nikita Egorov, student, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), nianegorov@edu.hse.ru

The article studies the reception of medieval culture in the short prose of Fyodor Sologub – the collection «The Book of Charms». The author defines the pattern of Sologub’s mediaevalism as quasi-mediaeval, since the writer’s direct contact with the original texts of the Middle Ages has not been established, and imagery is borrowed through intermediaries – Russian and European Romantics, for example, A.S. Pushkin. The key goal of Sologub is not historical reconstruction, but the creation of the «purest reality», a space where a miracle is possible, which brings together medieval images with biblical and fabulous ones. In the article it is emphasized that medieval motifs function in the general context of the 1900s’ symbolist polemic about mystical anarchism and conciliar individualism. Special attention is given to E.R. Curtius’ methodology for analyzing space and identifying cultural contacts. The author comes to the conclusion that Sologub’s medievalism is devoid of social issues and serves exclusively the goals of ambivalent poetics, obeying the will of the demiurge author. The study fits Sologub’s work into the general cultural context of the Silver Age with its tendency towards historical masquerades and reconstruction of past eras.

Keywords: medievalism, the Silver Age, the Middle Ages, reception, memory studies, masquerade, travesty, symbolism

For citation: Egorov N.A. (2025) Medievalism in the Short Prose of F.K. Sologub // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 1. P. 45-64.

Date of receipt: 30.07.2025.